

Alho Alhoniemi, Marin kielioppi, Helsinki 1985 (Suomalais-Ugrilainen Seura. Apuneuvoja suomalais-ugrialaisten kielten opintoja varten X). 175 с.

Хорошим пособием по марийскому языку порадовал не только финно-угроведов, но и любителей финно-угорских языков профессор Туркуского университета А. Алхониemi. Это, пожалуй, наиболее удачное пособие среди подобных работ по марийскому языку. Автор постарался учесть просчеты своих предшественников и, как представляется, преуспел в этом. А. Алхониemi — прекрасный знаток современного марийского языка в двух его литературных вариантах. Он сам дважды побывал у марийцев и имел возможность проверить свою работу на месте. Кроме того, надо учесть, что по сравнению с его предшественниками Ю. Вихманном (Y. Wichmann, Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss, Helsinki 1923) и Г. Рамстедтом (G. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsinki 1902 (MFSOy 17)) А. Алхониemi находился в более благоприятных условиях: с момента появления трудов Ю. Вихманна и Г. Рамстедта прошло несколько десятков лет. За эти годы исследование марийского языка шагнуло далеко вперед как в Финляндии, Венгрии и т. д., так и, что особенно важно, в Марийской АССР. За годы советской власти весьма интенсивно развилось марийское национальное языковедение. Появилось немало интересных и глубоких исследований, написанных марийскими языковедами. В 1953 г. было издано учебное пособие для начинающих «Марийский язык» Я. Григорьева. Правда, оно было рассчитано не на языковедов, а на любителей языков вообще.

Пособие же А. Алхониemi ставит более обширную задачу — познакомить читателя с двумя литературными нормами современного марийского языка, с их фонетической системой, морфологической структурой и принципами орфографии. Только иногда для сравнения приводит он данные диалектов. Пособие названо марийской грамматикой (Marin kielioppi), но, как пишет автор во введении, оно написано по возможности конкретно, наглядно, чтобы можно было его использовать в качестве учебника.

Две литературные нормы марийского языка А. Алхониemi, вопреки укрепившимся

в марийском языковедении терминам лугово-восточная и горномарийская, называет западный и восточный литературные языки (с. 9). Здесь он исходит из названий стран света, учитывая деление марийского языка в целом на две диалектные зоны — западную и восточную. Однако традиционные термины для литературных норм марийского языка, употребляемые марийскими языковедами, более точны, ибо принимают во внимание действительный охват ими марийского населения.

Весь языковой материал в книге представлен в финно-угорской транскрипции, что несомненно повышает ценность ее для лингвистов. Наблюдения автора как в области фонетики, так и в области грамматики весьма тонки. Не ускользнуло от его внимания и произношение современной молодежи смычных *d* и *g* вместо спирантов *δ* и *γ* (с. 17). Не лишне, однако, отметить, что это результат марийско-русского билингвизма.

До тонкостей верно определено место словесного ударения в обеих литературных нормах. Отмечено, что наречия с суффиксом *-ye* имеют ударение на первом слоге с редуцированным гласным, хотя конечный полный гласный в них сильный: *jā-žye* 'тихо' (с. 18).

Весьма интересен раздел книги о фонотаксе. Здесь А. Алхониemi впервые наиболее полно обобщил возможности сочетаемости фонем и их местоположения в слове. Правильно пишет он, что т. н. нейтральные в отношении гармонии гласные *i*, *e* в горном наречии под ударением теряют нейтральность (с. 21). На наш взгляд, прав А. Алхониemi и в том, что нарушение гармонии гласных в отрицательной форме второго прошедшего времени горного наречия (*jütelat* 'ты не бил') происходит из-за позднего образования этой формы из словосочетания *jüte* (кариативное причастие) + *šlat* (форма 2-го лица настоящего времени от вспомогательного глагола *šlaš* 'быть') (с. 22, 119). Любопытно и весьма верно наблюдение А. Алхониemi относительно современного марийского произношения. Оно, по его мнению, изменяется под влиянием двух

причин — русского языка и орфографии (с. 25).

А. Алхониemi в целом правильно отмечает, что спиранты и звонкие сибиллянты не могут сочетаться с глухими согласными, но в старых записях из моркинско-сернурского говора он встретил сочетание žš. Однако примеров не приводит. Это, очевидно, касается случаев такого характера, как *kožšo* 'его ель' от *kož* (с. 26).

Примечательно, что А. Алхониemi признает в системе марийского склонения различие по двум литературным нормам. В лугово-восточной норме он соглашается с мнением марийских лингвистов относительно девяти падежей, в горномарийской же насчитывает десять падежей. Начальные редуцированные гласные *ä*, *ə* родительного и винительного падежей он справедливо называет соединительными, ибо они исторически действительно таковы (с. 44). Следует, однако, заметить, что А. Алхониemi рассматривает не значения падежей, а их синтаксические функции. Он прямо говорит, что слова, например, в форме именительного падежа употребляются в следующих функциях (с. 47). Вряд ли можно согласиться с А. Алхониemi, что в таком примере, как *Ala-mo peš tamlän üpšalteš* 'Что-то очень вкусно пахнет', (с. 49) слово *tamlän* имеет форму родительного падежа. Здесь, по нашему мнению, надо усматривать не генитив, а наречие, восходящее к былому инструктиву. Это же нужно сказать и о *šokšän* 'тепло', *jukän* 'голосом', *olenräkän* 'потихе' (с. 50), *nälätän* 'вчетвером' (с. 101). Однако на с. 149 он сам признает инструктивный *-n* в марийском языке, хотя между ними различий не видно. А на с. 131 он пишет, что деепричастный суффикс *-n* по своему происхождению является инструктивным и идентичен с суффиксом генитива. Нам кажется, инструктив существовал уже в финно-угорское время, хотя отрицать его происхождение из одного источника с генитивом вряд ли можно.

Мы полностью солидарны с А. Алхониemi в том, что формой винительного падежа (*-m*) выражается определенный объект (с. 51). Правда, он неформального винительного падежа не признает, считая, что это тот же именительный падеж (с. 51).

Заслуживает пристального внимания в

рецензируемой книге и то, что вслед за Ю. Вихманном автор с некоторой поправкой в марийском языке выделяет два делительных падежа: элатив на *-yäč*, *-räc* и аблатив на *-deč* *-räc*, *-leč* (в некоторых восточных говорах), которые марийскими лингвистами относятся к послелогам (с. 62). В данном случае А. Алхониemi исходит из функций этих форм. Послелог *yäč*, *räc* действительно перестает быть послелогом и переходит в разряд суффиксов. Но перешел или нет — сказать без специального исследования трудно. Сам А. Алхониemi на с. 103 называет его послелогом. Послелог же *deč* относить в разряд суффиксов, по нашему мнению, нельзя. Существовавшая парадигма его прежних падежных форм (*deke*, *dene*, *deran*) и параллельное существование, хотя и малопродуктивного, аблативного суффикса *-leč*, нам кажется, говорят о том, что *deč* еще не отошел от системы послелогов.

Совершенно прав А. Алхониemi, что в горномарийской литературной норме нет показателя групповой множественности *-mät* (с. 72). Однако было бы не лишне сказать, что в некоторых говорах горного наречия, например, на правобережье Волги, этот показатель распространен и даже очень широко как показатель общей множественности.

Известно, что в марийском притяжательном склонении имен расположение падежных и притяжательных суффиксов не во всех падежах одинаково. В одних падежах притяжательный суффикс предшествует падежному, в других следует за ним, в третьих возможно и тот и другой вариант. Однако в компаративе притяжательный суффикс 1-го лица множественного числа *-na*, как нам кажется, всегда стоит после падежного суффикса, нельзя сказать по-марийски *kožlana* (с. 76). К тому же, приведенный пример неудачен, так как в марийском языке есть существительное *kožla* 'лес', поэтому форма *kožlana* марийцами понимается прежде всего как 'наш лес', а не как 'наша ель'.

А. Алхониemi считает, что для выражения условного наклонения употребляется сложная форма изъявительного наклонения (с. 108, 123). Об этом же писал в кандидатской диссертации Ф. Гордеев.

Хороший знаток марийского языка А. Алхониemi не обошел и такое явление,

когда в горном наречии марийского языка при образовании желательного наклонения вспомогательный глагол принимает суффикс желательного наклонения. При этом значение такого сочетания становится желательно-условным: *Mañ inem älnëžä* 'Я хотел бы плыть' (с. 128).

Нельзя не согласиться с А. Алхониеми, когда он марийские причастия делит на активные и пассивные: это, как нам кажется, более отвечает их сущности (с. 136). Убедительно мнение А. Алхониеми и о том, что причастие будущего времени из-за своего будущее-долженствовательного значения может употребляться в качестве инфинитива (с. 138).

В разделе о словообразовании достаточно подробно рассмотрены все способы марийского словообразования, значения суффиксов определены правильно. Только в одном случае нельзя согласиться с автором, когда он в марГ *jaral* 'годный' находит суффикс *-al* и исторически возводит его к уменьшительному суффиксу. Форма же *jaral*, по его мнению, первоначально была деепричастием без суффикса *n*: *jaralän* — *jaral* (с. 154). В марийском языке, особенно в горном наречии и волжском говоре лугового наречия, широко употребляется суффикс чувашского происхождения *-le, -lo, -lõ, -lã, -lə*, образующий прилагательные: *kuatle, kuatlã* 'сильный'. Этот суффикс в указанных диалектах образует прилагательное *jõrale, jaral* 'годный' от заимствованной из татарского языка отглагольной частицы *jõra, jara* 'ладно', ср. *jõraš, jaraš* 'быть годным', По-

этому в *jaral* 'годный' не следует выделять суффикса *-al*: здесь суффиксом служит только *l* из-за отпадения конечного гласного вследствие редукции его. В волжском говоре конечный гласный суффикса сохранился без редукции, ср. *jõrale* 'годный', *jõra* 'ладно', *jõraš* 'быть годным'. Таким образом, рассматриваемый суффикс никакого отношения к деепричастной форме не имеет. В нашей работе (Историческая грамматика марийского языка II, Йошкар-Ола 1966) это прилагательное незаслуженно не нашло отражения.

В рецензируемой книге встречаются некоторые опечатки и фактические неточности. Например, на с. 70 автор пишет, что показатель множественного числа *-šamäč* в литературном марийском языке употреблялся до 1950 года. Однако он и сейчас в лугово-восточной литературной норме имеет право на существование (см. Марий орфографий мутер, Йошкар-Ола 1972, с. 7). На с. 12 напечатано *šären pišten älä* вместо *šären pištem älä*, так как перевод дан в форме 1-го лица единственного числа 'olisin levittäny'. На с. 133 напечатано *kučaltašat* вместо *kučältašat* 'tarttumaan'.

А. Алхониеми проделал большую и очень полезную работу. Книга написана корректно, с глубоким знанием предмета. Материал в ней систематизирован с учетом задач учебного пособия. Отмеченные выше некоторые спорные и неточные моменты не умаляют ее значения. Книга, безусловно, будет интересна для финно-угроведов.

ИВАН ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

И. В. Тараканов, Удмуртско-тюркские языковые контакты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Устинов 1985.

15 апреля 1986 года в Институте языкознания Академии наук СССР на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации доцентом Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР И. В. Таракановым по теме «Удмуртско-тюркские языковые кон-

такты». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту), И. С. Галкин (Йошкар-Ола), доктор филологических наук член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев (Москва).

На протяжении долгой истории финно-угорские народы контактировали с представителями разных языковых семей.